

Столб

- Бригадир,- спросил ломающимся голосом Петрович,- у тебя, случайно, не осталось... этого... для протирки контактов? - и выдал зубами барабанную дробь.

Бригадир с громкой фамилией Жуков, благодаря которой был усыпан кличками, прозвищами и обзывалками – от стандартного Маршал и до обидного Ваньки, в честь пацана, писавшего письмо на деревню дедушке – хотел было сказать что-нибудь язвительное по поводу залипших контактов в мозгах Петровича, но поднял суровый взгляд и сдержался.

Потому что выглядел Петрович именно так, как должен выглядеть человек, которого спасут от психушки двести граммов казенного спирта. То есть, не был похож на обычного Петровича ни капельки.

Тут надо честно сказать, что бригадир к пьянкам - без его участия - относился резко отрицательно, поэтому держал стратегический запас жидкой валюты под личным неусыпным контролем. Ибо каждому уважающему себя связисту еще со студенческой скамьи известно, что спирт – хоть и технический – усвоя... усвая... усвай... ваивай... впитывается в организм не в пример полезнее магазинной водки. И галлюцинации при длительном употреблении от него куда красивее и романтичнее. Так что выдавал бригадир жидкость на протирку контактов исключительно перед праздниками.

В общем, глянул Жуков на Петровича и нахмурился. Невооруженным взглядом было видно, что если не налить, то Петрович уйдет в запой самостоятельно. А так можно хоть как-то повлиять на длительность данного мероприятия и вернуть специалиста на несколько дней раньше. Говорю же – государственное мышление у шефа.

Да! В чем, собственно, дело-то: городская телефонная станция недавно перешла на цифру. Завезли новое оборудование, смонтировали, запустили – ходишь, смотришь на мигающие светодиоды, и душа радуется. В ногу с прогрессом шагаем, стало быть.

Правда, в ногу шагает не весь город. Окраины так и остались висеть на аналоговом оборудовании, установленном, наверное, еще, когда девушек в телефонистки брали не за длинные ноги, а за длинные руки. Чтобы могли без проблем, не вставая с кресла, соединить Кострому с Владивостоком.

Старые линии пока держались. На самоуважении, не иначе. Конечно, в центре уже даже оптоволокно кое-где протянули. А на окраины... ничего, там про асфальт еще не везде слышали.

Вот, одну такую линию и ездил проверять Петрович. Ведет она за город, мимо дач, через заброшенный аэропорт в деревню. Зачем ее проложили – понятия не имею. Может, в той деревне когда-то жил геройский товарищ Чапаева. Может, бабушка нашего министра связи. А может, Родина думала использовать этот медвежий угол нашей области в своих оборонительных целях. Вот и кинули сорокакилометровый хвост с одним-единственным номером на конце. Самым простым способом – на столбах, так называемая воздушка.

В деревне той осталось дворов пятнадцать. Живут там одни скрученные-скрюченные работоголики-пенсионеры. А телефон стоит в почтовом отделении, работающем два дня в неделю, если не идут дожди. Кому из сельчан надо позвонить, знают – ключ под крыльцом.

Все было до недавнего как обычно. Конечно, пару раз провода срезали, но линейщики за полгода связь восстановили, так что жалоб не поступало.

А с неделю назад вдруг – жалоба. От почтальона. Вроде как во время разговоров слышатся в трубке странные звуки, похожие на далекие крики и стоны. Музыка звучит какая-то не эстрадная. А однажды кто-то громко захохотал. Очень неприятно. Вот Петрович и поехал глянуть линию – может, кто из дачников незаконно подключился.

Хоть линия была старой, но сквознячок современности коснулся и ее подгнивших опор. Лет пять назад все-таки заставили их пронумеровать. Линейщикам-то что – сели на машину, прихватили собственноручно вырезанные трафареты от нуля до девятки, ведро с краской и поехали. На дворе лето – все лучше работать на природе, чем сидеть в душном кабинете без кондиционера.

Так и узнали, что столбов от станции до деревни ровно восемьсот.

Бригадир погремел связкой ключей, открыл сейф и извлек трехлитровую банку. Налил с одной попытки ровно половину стакана, глянул на Петровича, хмыкнул и решительно долил до краев.

Петрович бережно принял лекарство двумя руками, выцедил мелкими глотками, словно обычную воду. Даже занюхивать рукавом не стал. Присутствующих слегка передернуло.

- А теперь быстро рассказывай,- приказал опытный в таких делах бригадир, вынимая стакан из скрюченных пальцев подчиненного.

Петрович непонимающе осмотрел осиротевшие руки. Лекарство начало действовать – щеки утратили зеленоватый оттенок, даже порозовели.

- Я прямо от конторы по линии пошел,- сказал он рукам,- до самых дач ничего. Дальше с Гошей поехали вдоль. Тоже ничего. Воздушка аккуратная, лишнего не видать. Потом вообще пошло чистое поле. Норма. Ну, думаю, в деревне шутников искать надо. Тут, глядь – на холме наш столб. Я к нему. Бригадир! Мамой клянусь – натуральная чертовщина! Сатана там правит баллы. Стою, смотрю, а волосы на голове сами собой шевелятся...

Все присутствующие скептически посмотрели на сверкающую лысину Петровича.

- Детали!- стукнул кулаком по столу Жуков, пытаясь вернуть стремительно косоющему Петровичу способность соображать.- Хотя бы номер какой у столба? Ну?

- Соответствующий,- ответил тот. И повалился под стол. Все-таки двести граммов чистого спирта – это вам не... сами понимаете.

В хорошем и дружном коллективе товарища всегда поддержат в трудную минуту. Так и в этот раз – подхватили, поддержали, уложили на сдвинутые стулья. И принялись обсуждать услышанное.

Первым делом свистнули водителя дежурной "буханки" Гошу. Тот пришел, крутя на пальце ключи от замка зажигания.

- Хрен его знает,- кивнул он на храпящего и повизгивающего во сне Петровича,- сначала анекдоты бородатые травил. Потом на холм поднялся, постоял с минуту. И вдруг – как рванет обратно. Зигзагами, будто по нему сезон охоты открыли. Влез в кабину и орет – гони в контору, орет, грешил всю жизнь, а вот сегодня не готов помирать. Много чего еще орал, все и не вспомню. Больше про какую-то чертовщину.

- Ни бога, ни черта нет. Это я вам как потомственный атеист говорю,- воздел указательный палец к потолку Парамонов.

- Бога, может, и нет. А черт есть,- неожиданно сказал Петрович. Все обернулись, ожидая продолжения, но он снова захрапел.

- Все объясняется физическими законами,- уперся Парамонов.- Мистика – удел фантастов. Бытие определяет сознание... рассыпанная соль – суеверие...

- Соль денег стоит. Еще раз опрокинешь солонку на пол – и твое сознание определит битье,- хмуро сказал ему Жуков.- Взял моду на обеде руками размахивать.

- Суеверия – пережиток темного прошлого,- возразил Парамонов, но заткнулся.

- Что делать будем?- спросил присутствовавших коллег бригадир.- До конца рабочего дня еще четыре часа. Вполне успеваем смотаться и глянуть, что так нашего Петровича напугало. Кто со мной?

Чем хороша "буханка" - и пролезет везде, и салон вместительный. Почти вся бригада влезла, только Петрович остался поживать в анабиозе, да пенсионер Валютин с двумя стажерами – кто-то ведь должен быть на месте. Мало ли что.

- Дорогу помнишь?- спросил Жуков у Гоши.- А холм тот?

- А то!

- Поехали. С богом.

- Бога нет,- съехидничал Парамонов.
- Вот ты на холм первым и пойдешь,- ответил бригадир.

Проселочная дорога петляла, честно пытаюсь пролегать по асфальтированным ямам и колдобинам. Наконец, Гоша не выдержал и свернул в чистое поле. Сразу же стало значительно меньше трясти.

Столбы мелькали за окнами. Старенькие, почерневшие, покосившиеся так, будто отсоедини от них провода – тут же упадут.

Все сидели в салоне, старательно не глядя друг на друга, потому что думали одно и то же – и какого хрена я поехал?! Дались мне эти религиозные разборки Петровича со столбами! И до конца рабочего дня, между прочим, уже всего три часа одиннадцать минут...

Когда до конца рабочего дня осталось два часа двадцать семь минут, машина остановилась. Бригадир и Гоша хлопнули дверцами, остальные тоже полезли наружу, по одному, как неопытные парашютисты. И настроение было аналогичное – то есть, никакое.

Холм в юности, наверное, был курганом, насыпанным над могилой самого знатного скифа. Как природа ни старалась, но и сегодня выглядел он внушительно.

На самой маковке гордо красовался одинокий столб. Какого черта его туда воткнули доисторические связисты? Наверное, по поговорке: "гладко было на бумаге...", а спорить с инженером работяги не стали. Для здоровья куда полезнее копать ямы в Костроме, чем на Колыме.

- Ну, кто тут распинался, что опиум для народа вреден?- хмыкнул бригадир и легонько толкнул Парамонова в спину.- Давай, чеши. Разрушай наши теологические стереотипы.

Потомственный атеист поправил очки, пригладил волосы, одернул пиджак, высморкался в платок, поковырялся в зубах, посмотрел на часы, оглянулся.

- Ты рабочее время не тяни, это тебе не в конторе кипучую деятельность имитировать,- подзадорил его добрым словом Жуков.

Парамонов хотел что-то ответить, но передумал. Потом размашисто перекрестился и зашагал по склону холма, старательно переставляя непослушные ноги.

Коллеги переглянулись и двинулись следом.

Чем ближе становилась опора, тем сильнее вытягивались у всех лица. Потомственный атеист Парамонов, шедший первым, первым и остановился.

- Что за...- растерянно озираясь, сказал потомственный атеист.

Весь холм вокруг столба был усеян мертвыми птицами. Среди множества воробьев, голубей, щеглов и скворцов ярким пятном выделялся невесть как сюда попавший попугай.

- Что за...- ахнули все вслед за Парамоновым.

- А эту сволочь не тронуло,- пробормотал Гоша.

Все посмотрели вверх. На маковке столба сидела огромная ворона и с интересом разглядывала бригаду.

- Что тут непонятного?- буркнул бригадир.- Мы тоже своих не трогаем...

- Может, тут высоковольтная линия проходит?- пожал плечами апологет науки.

- Во-первых, где ты видишь провода высокого напряжения? Одна наша воздушка. Во-вторых, когда это птиц током било?

- А табличка тогда почему?- не сдавался Парамонов.

- Какая табличка?

- Вон, на опоре. Череп с костями.

- Это я ее присобачил,- сконфуженно сказал линейщик Кузько.- Когда опоры нумеровали. Смотрю – валяется. Я и прибил. Для смеха.

- И получилось ужас, как смешно,- задумчиво ответил бригадир, подошел к столбу и добавил.- Точно. Соответствующий номер.

Остальные тоже приблизились. Белой когда-то краской через кривой трафарет было набито число, состоящее из трех шестерок. Шестьсот шестьдесят шесть. Вот так вот.

Вид с вершины холма открывался замечательный. На западе за далекие холмы начинало спускаться солнце. На востоке над полями пенились облака. На севере темнел лес. На юге тоненькой ниточкой куда-то спешил поезд. Красота, да и только!

А связисты стояли возле столба, вокруг которого царил серый цвет. И было им зябко, несмотря на середину июля.

- Ну, хорошо,- нервно сказал вдруг Парамонов,- приехали мы сюда. Выяснили причину запоя Петровича. Что дальше? Будем бороться с паранормальными явлениями с помощью холодного паяльника? Или, может, кто заклинания нужные знает, чтоб нечистую силу из столба изгнать?

- Ха-ха-ха!- громко сказала ворона. Все вздрогнули.

- Когда опоры нумеровали, тут так же было?- спросил Жуков Кузько. Тот отчаянно замотал головой:

- Нормально было. Уж я бы такое кладбище наверняка запомнил.

Все синхронно кивнули – это точно, такое не забудешь.

- Значит,- задумался бригадир,- пока столб без номера стоял, никакой чертовщины здесь не было.

- А я читал!- вдруг воскликнул Гоша.- Мы нечистой силе портал открыли. Ты,- он ткнул в Кузько пальцем,- персонально открыл. Когда цифры на столб ляпал. Она сейчас под нами сидит и жертвоприношений ждет, чтобы вылезти и весь мир захватить.

- К-ка-аких еще жертвоприношений?- побледнел Кузько.

- Кровавых,- замогильным голосом прошептал Гоша.

- А давайте послушаем потомственного атеиста,- предложил бригадир.- Что нам скажет товарищ потомственный атеист? Объясните коллегам данный случай с научной точки зрения. Шандарахните крупнокалиберными фактами по нашей суеверной сущности. Успокойте общественность примерами и аналогиями. Развейте мифы. Верните нас в реальность.

Но Парамонов только мелко трясся и крестился, не переставая ни на миг. Видимо, атеистическая династия Парамоновых только что прервалась.

Тут-то все и услышали его – тягучий низкий рокочущий бас откуда-то из-под ног:

- Отворите!

Как спустились с холма, сели в машину и вернулись в город, не помнил даже Гоша.

До ближайшего праздника было далеко, но бригадир решительно выставил банку спирта на стол и возглавил мероприятие. Пили, не чокаясь, закусывали мясистыми листьями алоэ.

Я внимательно осмотрелся – все заняты, никто не сачкует. Значит, пора и мне немного потрудиться...

... в пламенеющих лучах пурпурного заката столб смотрелся совсем уж устрашающе. Будто из вершины холма небу кто-то решил показать средний палец.

Я неторопливо обошел столб по кругу. Молодец Гоша. Натуральный портал.

- Ха-ха-ха,- крикнула ворона, наблюдавшая за моими действиями.

- Нет, дорогая,- ответил я,- повод для бурной радости отменяется. А место хорошее выбрали – и от любопытных глаз вдалеке, и древний погост в наличии. Но – не судьба.

Я взмахнул руками, и мертвые птицы мигом ожили, взлетели шумной стаей, гадя на радостях. Попугай сел мне на плечо, принялся рассказывать на своем языке о пережитых волнениях. Ворона каркнула во все воронье горло. Видимо, обиделась.

- Отворите!- пробасил из-под земли вечный узник.

- Отворяли уже,- ответил я,- несколько раз отворяли. И каждый раз одно и то же. Так что сиди, где сидишь. Нечего тебе на Земле делать.

- Я больше не буду. Обещаю вести себя хорошо,- принялся клясться узник.- Самому надоело войны устраивать. В народные депутаты пойду. Стану новыми законами вредить.

- Шеф срок тебе скостил? Нет. А за попытку побега еще пару тысяч лет припаяет. Кроме того, у нас депутатов-вредителей и без тебя слишком много. Так что амнистия тебе не светит. Даже приуроченная к юбилею создания этой Вселенной.

Я прикоснулся к опоре. Нарисованный череп тут же начал свирепо клаять зубами, пытаюсь ухватить мой палец. Подразнив его с минуту, я решительно сорвал табличку и превратил ее в пыль. Потом заставил последнюю шестерку в номере стать пятеркой, во избежание путаницы добавив к цифрам букву. Теперь в общем ряду появились две опоры с номером "шестьсот шестьдесят пять" - А и Б. И пусть потомственные борцы с суевериями хихикают.

Голос под ногами стал отдаляться. Портал закрылся.

Солнце уже почти скрылось за дальними холмами, когда я закончил свою работу. Остался финальный штрих, но он не в моей компетенции.

Я отошел от холма как можно дальше.

- Готово,- сказал я небу.- Запечатывай.

Раздался оглушительный раскат грома. С чистого неба сорвалась толстенная молния и ударила в ворону, сидевшую на маковке столба. Дохохоталась, противная...

Серый цвет, окружавший столб, тут же рассеялся. Окружающий мир снова стал разноцветным и гармоничным.

- До Африки вряд ли доберешься,- сказал я попугаю.- Тут в нашем городе есть замечательный зооуголок. Подлинный рай для таких лентяев, как ты. Сам доберешься? А то мне своих алкоголиков проверить еще нужно.

... Что? Кто я такой? И какое отношение имею к связи? Самое прямое. Я – ангел-хранитель своей бригады. Специализация – связь. Невидимый, конечно. Защищаю от неприятностей. И у вас такой есть, не сомневайтесь. Тяжело приходится - мы ж по одному на каждую бригаду. Как разъедутся по заявкам и вызовам, хоть разорвись. Поэтому иногда неприятности все-таки случаются.

Но, лично я стараюсь. Честное слово.

... а почему от алкоголя своих не кодирую – так ведь человек без недостатков - не человек. Это уже ангел. Особенно, связист. Так и без работы недолго остаться...